

УДК 94(57)+94(574)"15"

ИСКЕР КАК МИФОЛОГЕМА В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ СИБИРСКОГО ХАНСТВА*

Д.Н. Маслюженко

(ФГБОУ ВПО «Курганский государственный университет»)

С.Ф. Татауров

*(Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН,
ФГБОУ ВПО «Омский государственный
университет им Ф.М. Достоевского»)*

В исследовательской литературе по истории Сибирского ханства Искер рассматривается не только как столичный центр, но и как крупный и хорошо укрепленный город. Анализ письменных и археологических источников показывает, что такая позиция во многом сложилась под влиянием авторов, описывавших его спустя длительное время после прекращения функционирования. Над ними в значительной степени довели стереотипы того, как татарский город должен был выглядеть в качестве идеальной модели, воплощение которой и искали на развалинах сибирских городов XV–XVI вв.

Авторы данной работы считают, что условия расположения крепости, как и обнаруженные на нем артефакты, не подтверждают этой традиционной версии. Под властью Сибирских Шибанидов, тронным местом которых была Чимги-Тура (Тюмень), Искер оказался не ранее 1563 г. в результате приглашения на ханствование сибирскими людьми Кучума б. Муртазы. При этом представители династии контролировали не только земли на юге Западной Сибири, но и по Сырдарье. Будучи выходцами из кочевой среды, их центром власти была кочевая ханская ставка, с которой они перемещались от летовок на севере до зимовок на юге. Именно в этой ставке, а не в неудобно расположенном в плане геополитики и экологии Искере, должны были находиться ханская казна и семья, а также могли находиться сейиды и иные мусульманские проповедники. Искер же являлся лишь местом сбора ясака с угорских групп населения в осенний и весенний периоды. По этим причинам его защита во время нападения Ермака не была приоритетной задачей хана. Город был легко оставлен.

Значимость Искера следует искать не столько в сибирской, сколько в российской истории, в самом факте включения Сибири в состав Московии. Для русских царей Искер стал символом легитимности объявления Ивана Грозного правителем Сибири.

Ключевые слова: Сибирское ханство, Искер, Кучум, городская культура Западной Сибири.

---

* Статья написана при поддержке гранта Министерства образования и науки Российской Федерации: проект № 33.1684.2014/К «Алгоритмический анализ динамики социокультурных систем народов Северной Евразии в XVIII–XIX веках».

История тюрко-татарских государств в Западной Сибири, несмотря на почти трехвековую историю их изучения, далека от завершения. Имеющиеся научные издания не могут в полной мере раскрыть вопросы, связанные с образованием этих государств, их границами, структурой управления, обликом городов и населяющих их жителей, уровнем развития ремесла и торговли. Проблема с описанием исторических событий, воссозданием городских и сельских населенных пунктов, определением уровня развития социально-экономических отношений состоит в ограниченном ресурсе письменных источников и их достоверности, с существующим разрывом между историческими, археологическими и этнографическими исследованиями.

Ситуация с ограниченностью сведений о Сибири, а также их субъективностью возникла практически с момента появления интереса к Сибири у населения, проживавшего к западу от Уральских гор. Первыми, кто принес описание земель и людей, расположенных по восточную сторону Камня, были новгородские промысловики и ушкуйники, стремившиеся к новым рынкам пушнины и моржового зуба. Именно с этого времени складывается мифологема Сибири как неиссякаемого источника богатств, уникальных животных и растений, а также региона обитания загадочного местного населения. С заселением русскими Прикамья и Урала, а также началом перманентных столкновений с югорскими в широком смысле этого понятия княжествами, знания о Сибири расширяются, но только после ее присоединения появляются географические описания этого региона, рассказы о сибирских городах и поселениях, о проживавшем в них населении. Авторами этих повествований были путешественники, военные, торговые агенты, духовные лица, то есть не ученые или профессионалы в изучении истории и географии.

На фоне сформировавшегося описания богатой природы встречаются скудные упоминания облика и планиграфии городов, торговых путей, культурного и хозяйственного облика населяющих Сибирь народов. Именно на основании путевых записей, а также многочисленных летописных источников, в том числе вошедших в состав «Сибирских летописей», ученые писали свои «Истории Сибири», не задумываясь над тем, что эти дневники и описания часто сделаны спустя много лет после происходивших событий. Они описывали татарские города, приводили их рисунки, но в XVIII–XIX вв. не возникал вопрос о соответствии, например, рисунка Кызыл-Туры действительности, как и об историчности иллюстраций к «Ремезовской летописи», в состав которой частично были включены и рисунки более ранней «Кунгурской летописи». На этих рисунках, созданных в конце XVII века, мы впервые видим изображение города Искера с большим ханским дворцом и множеством иных строений [10, с. 16–18]. Иногда использование рисунков этой летописи приводит к

анекдотичным ситуациям. Так, в одном монографическом труде мы читаем: «Но то, что в средневековом Искере мечеть все же была, сомнений вызывать не должно. Косвенным подтверждением служит рисунок с ее изображением в Кызыл-Туре (!), помещенный в Ремезовской летописи» [22, с. 103]. Очевидно, что С.У.Ремезов и другие авторы этих рисунков не были свидетелями самих описываемых событий, опирались лишь на устные рассказы и иные летописные тексты, в том числе и не дошедшие до наших дней. Следовательно, иллюстрируя эти рассказы, они исходили как из своих идеальных представлений, так и окружающей их действительности второй половины XVII века, когда все татарские города уже были давно заброшены.

При критическом подходе к описанию путешественниками городов становится очевидно, что многое в описаниях вымышлено, представлено гипертрофированно или сознательно искажено. Причины этого явления весьма многообразны и исходили как из объективных, так и субъективных факторов. Многие авторы записок имели задание от государства, например, провести описания городов и... добросовестно писали о городах, которых давно уже не существовало. Например, И.П. Фальк, побывав на месте расположения Кызыл-Туры в 1771 г. (если он правильно определил ее местонахождение, так как этот город прекратил свое существование еще задолго до похода Ермака), писал, что видел разрушенную башню мечети и остатки каменного дома [29, с. 396]. Он не имел представлений об археологизации объектов, то есть разрушении рвов и валов, жилищ и нивелировании природой антропогенных нарушений и, вероятнее всего собрал какие-то сведения о городе у местного населения, а на основании этого выдал определенный конструкт города. Поэтому вполне естественным оказалось то, что за время многолетних раскопок Кызыл-Туры омским археологом Е.М. Данченко ни одно из описаний каменных строений И.П. Фальком не подтвердилось [7, с. 221–224]. Фактически то же самое можно сказать об описаниях столицы Тюменского ханства Чимги-Туры, столицы Сибирского ханства Искера, Тон-Туры и других городов Сибири. Авторы путевых записей часто искали подтверждение уже имеющихся стереотипов. По этой причине по прибытии на место, где был город (например, Кызыл-Тура) и, не обнаружив ничего кроме странных бугров, они вынуждены были искать традиционный татарский город, поскольку сомнений в этническом составе его населения не возникало. Образцом такого города могла выступать Казань, через которую проезжали большинство путешественников в Сибирь. Имеющиеся представления об идеальном облике татарских городов и вынуждали искать нечто подобное в Сибири.

Наиболее наглядно «городская» проблема проявилась в литературе на примере столицы Сибирского ханства – Искере, где в 1563 году ханом стал представитель сибирской правящей династии Шибанидов Кучум. Сам его приход к власти в Сибири рассматривается в

рамках ставшей уже традиционной мифологемы о военном перевороте, свержении династии искерских беков Тайбугидов и длительной ликвидации сопротивления местной аристократии. Последнее призвано было объяснять отсутствие хана на международной арене в период с 1563 по 1569 годы, хотя вернее было бы просто признать отсутствие источников. Традиционная версия строится на материалах поздних Сибирских летописях, создание которых было начато в 1636 г. Саввой Есиповым, использовавшим некий неизвестный «татарский летописец» [18, с. 42]. В то же время в более близком к событию изложении в Патриаршей (Никоновской) летописи, оно описывается абсолютно по-иному.

Судя по всему, т.н. «захват» Шибанидами Сибирской земли произошел в период конца лета-начала осени 1563 года, поскольку ногайский бий Исмаил, умерший в конце сентября того же года, еще успел написать грамоту в Москву с просьбой организовать переговоры между сибирским и русским («белым») царем [20, с. 22]. В сентябре 1563 года русский царь именно Исмаилу выговаривал: «... зять твой (имеется в виду Едигер, – С.Т., Д.М.) был на Сибири на нашем юрте, и дань нам с того юрта не дает. И мы впредь хотим того юрта доступати, и за то ему мстити». Кроме того, князь Чигибень, посол Едигера, в сентябре 1563 года был отпущен по просьбе Исмаила вместе с ногайскими послами, что было связано со смертью сибирского бека. При этом жена Едигера, дочь Исмаила, и сын оказались в Москве [19, с. 323]. Юридически сам «захват» можно трактовать как присоединение к Тюменскому юрту, традиционному с 1430-х гг. месту правления ханов из династии Шибанидов, Сибирских земель, которые, скорее всего, до того не были под прямым ханским правлением. Сделано это было по праву приглашения Кучума как представителя легитимной ханской (царской) династии на престол в Искере: «...сибирские люди царю и великому князю изменили, дани государевым данщиком давати не учили и взяли к себе на Сибирь царевища» [17, с. 370].

Сибирские летописи однозначно говорят о произошедшем при этом убийстве местных беков Едигера и Бекбулата, которых в научной литературе последнего времени все чаще рассматривают лишь в качестве беклярибеков [27, с. 386–387]. Это убийство было бы вполне закономерным действием со стороны хана, поскольку бек Едигер по сути с 1555 года проводил сепаратные переговоры с московским царем, тем самым узурпировал принадлежащие лишь хану (за исключением Ногайской Орды) на постордынском пространстве внешнеполитические функции главы государства. При этом, как показывает приведенный пример из летописи, отнюдь не все представители местной аристократии были согласны с промосковской политикой Тайбугидов. Однако еще Г.Ф.Миллер отчасти сомневался в этом убийстве и указывал, что знатные татары обратились к хану Большой Бухары Муртазе

после смерти Едигера в связи с тем, что у него осталась лишь беременная жена, а они не хотели ждать рождения наследника [13, с. 192]. Таким образом, осенью 1563 года бывшая столица Тайбугидов Искер перешла под власть ханов из династии Шибанидов, при этом оказавшись фактически на самом севере их владений, которые растянулись до Сырдарьи. Сам факт приглашения на сибирский престол показывает значительный уровень поддержки данного действия сибирской татарской аристократией.

В подавляющем количестве изданий, посвященных истории сибирской тюрко-татарской государственности городской статус этого комплекса не ставится под сомнение. Более того, в научном обороте укрепилось мнение, что Искер – это достаточно серьезный город с мощными укреплениями, каменной мечетью, дворцом и т.д., что отражается и на современных художественных реконструкциях, в том числе для учебной литературы, которая тем самым становится инструментом ретрансляции мифологеми (Искер, цветная вкладка). Оставление Искера ханом Кучумом после сражения на Чувашском мысу приравнено к бегству, потере им «божественного благословления» и ханства, превращению его в беглого, скитающегося по степям правителя [28, с. 138].

Первым достаточно подробно описал остатки Искера Г.Ф.Миллер и уже тогда поставил под сомнение городской статус этого комплекса: «Развалины этого бывшего столичного города, если только такое место, каким, по-видимому, было оно прежде, вообще можно назвать городом, видны еще до сих пор. ... представляет небольшую круглую гору, которая по уступам была укреплена тройным валом и расположенными между ними рвами, причем один вал был выше другого. Внутреннее пространство имеет приблизительно 50 саж. в диаметре. Из этого можно заключить, что, кроме хана, его семьи и людей, там могли жить только немногие знатные татары, если не предполагать, что это место в то время было значительно больше. От домов или постоянных жилищ не осталось там никаких следов, кроме некоторой неровности почвы в разных местах, почему и можно заключить, что здесь когда-то стояли жилища. Если это так, то они были сделаны из дерева, на манер татарских построек в Сибири, или, по бухарскому обыкновению, построены из необожженных кирпичей, так как от них не осталось никаких следов» [13, с. 227–228].

Хади Атласи, основываясь на описаниях Искера Г.Ф. Миллера, совершенно правильно отмечает, что Искер нельзя сравнивать с другими городами. «Площадь, занимаемая городом, имела круглую форму, вдоль и поперек не более 50 саженой, а потому домов там было немного. Искер нельзя было причислить к большим городам, каким был, например, Булгар. Кроме двух названий, известных в истории, город имел еще и третье – Кышлык. В тюркских языках слово это означает место зимовки. Так называют также деревни,

принадлежащие какому-нибудь племени. Очевидно, название соответствовало назначению города» [4, с. 61].

Р.Г. Скрынников не называет Искер городом, ограничиваясь терминами «столица» и «городище», и выделяет только место, возвышающееся над остальной территорией, скептически относясь к самому комплексу: «Кашлык не был городом в прямом смысле этого слова. Располагавшаяся на вершине круглого яра площадка имела небольшой диаметр. Здесь помещалась мечеть и несколько построек, служивших резиденцией для Кучума и его ближайших людей» [23, с. 28]. Тот же автор отмечает, что в столице «Кзаков ждала богатая добыча. Захваченную соболью казну и прочие пожитки Ермак, по обычаю вольных казаков, велел разделить поровну между всеми» [24, с. 112]. Однако, описей сокровищ или рассказов о них участников Ермакова взятия Сибири в сибирских летописях нет. Скорее всего, в крепости были запасы продовольствия, поскольку казаки, войдя в Искер 26 октября 1582 г., обнаружили в опустевшем городе, не только «богатства множества», но и «хлеба» [28, с. 30]. Однако, этих запасов, очевидно, было не настолько много, чтобы дать даже казачьему отряду перезимовать, не испытав голода. Та же ситуация прослеживается с трофеями и при взятии других ключевых пунктов ханства на Тоболе. «В устье Тобола казаки, высадившись на берег, разгромили юрты главного сановника Кучума Карачи, Это был богатый человек. Много запасов хранилось в его кладовых. Всего больше поразило казаков обилие меда. Его разделили так, что хватило на каждый струг. До глубокой старости ермаковцы помнили душистый и сладкий мед, который они отведали в Сибири» [24, с. 108].

То, что выделяет его из ряда других центров Сибирского ханства – это система укреплений. А.П. Зыков на основании своих раскопок 1988 и 1993 гг. выделяет шесть строительных горизонтов, причем каждый из них имеет свои особенности в оборонительных сооружениях, которые соответствуют известным по письменным источникам основным этапам существования комплекса от его основания до гибели [6, с. 151]. Следует, однако, критически подойти к выделению этих горизонтов и к реконструкции укреплений в целом, так как без дендрохронологических определений и без совершенно четкого датирующего материала, при опоре только на стратиграфию, эти построения выглядят не совсем доказуемо. Если же принять во внимание мнение В.Н. Пигнатти о том, что Искер не имел источников воды и продовольствия, то есть не был приспособлен к тому, что бы выдержать осаду [16, с. 204], то возникает вопрос о наличии таких серьезных укреплений, как показал А.П. Зыков. Следует добавить, что и ставить на стены хану Кучуму было некого, так как пеших воинов, за исключением хантыйского ополчения у него не было. Вся его военная мощь была основана на коннице [30, с. 72–75]. С учетом вмещающей площади самого городища за укрепленными стенами в лучшем случае могло

прожить от 150 до 300 человек, включая сюда и гарнизон крепости, который при осаде оказывался не только без питьевых запасов, но и в силу высотности берега без путей к отступлению.

Практически у всех исследователей сибирской тюрко-татарской государственности нет сомнений, что Искер был столицей Сибирского ханства, которая досталась Кучуму от правителей Искерского княжества из династии Тайбугидов. Остается открытым вопрос о том, где был центр владений его отца Муртазы, так как ни одного документа, связывающего его с Искером нет. Предания сибирских татар, собранные Г.Ф.Миллером, указывают, что он был ханом Большой Бухары [13, с. 192]. В условиях начавшихся в то время в присырдарьинских землях междоусобных войнах Шибанидов это не только было возможно, но и подтверждается Продолжателем Утемиша-хаджи [15, с. 65]. С другой стороны в 1563 г. в Москве вместе с посольством от Едигера присутствовали послы от сибирского царя Муртазы и его старшего сына царевича Ахмед-Гирея [9, с. 150]. Таким образом, владения отца Кучума, Муртазы, находились и в Сибири и на Сырдарье. В принципе это не было чем-то исключительным для данной династии. В 1480-е гг. отец Муртазы тюменский хан Ибрахим (Ибак), помимо владения Тюменским юртом, также имел кочевья в устье Сыр-Дарьи [12, с.26]. Сын Муртазы Кучум, посланный править в Искер, в письме в Москву от Хан-мирзы, сына ногайского бия Уруса, в 1578 году титуловал Кучума «тюменским и сибирским» ханом, что, видимо, отражает двухсоставной характер владений [20, с. 268–269]. По всей видимости, тюменскую часть титула он получил по наследству от своих предков.

Совершенно очевидно, что наиболее холодный зимний период хан Кучум проводил на юге, вероятнее всего на берегах Сырдарьи, как, судя по владениям, мог поступать и тюменский хан Ибрахим. Не было никаких причин, которые бы вынуждали его проводить это время на севере своего ханства, где необходимо было бы готовить корм для лошадей, делать запасы продовольствия и топлива для своей семьи, свиты и своей охраны, терпеть бытовые неудобства из-за сильных холодов, быть фактически отрезанным из-за отсутствия дорог в этот период.

Даже в период пребывания в Сибири хан мог значительную часть времени кочевать значительно южнее Искера. Об этом можно судить лишь на основании косвенных источников. Как следует из грамоты тюменским воеводам от 7 февраля 1623 года, в 1622 году одна из русских проезжих станиц была отправлена «к Цареву кочевью и на Уз...», эти названия в иных документах не упоминаются. Для достижения своей цели застава переехала «...за Чекулем и на Ике калмацкие сакмы многие, от Тюмени во 6 днищах...» [14, с. 348]. Исходя из этого, Царево кочевье должно было находиться южнее р.Ик и озера Ачикуль (в современной географии это территория Белозерского рай-

она Курганской области). Следует обратить внимание на то, что в период с 1601 по 1623 гг. Кучумовичи, например Ишим, и калмыцкие тайши кочевали в верховьях реки Тобол, по притокам Убаган, Черная, Алабуга, в районе бора «Хамакарай», который находился выше по течению реки Куртамыш. Большинство этих кочевий было в «7 днищах от Тюмени» и в «2 днищах от Уфинской волости Ератабыни», то есть Каратабынской волости [14, с. 21, 194, 341, 348, 350]. В отписке тюменских воевод Федора Бобрищева-Пушкина и Михаила Елизарова тобольскому воеводе Матвею Годунову именно эти земли названы «... где кочевал наперед сего сибирской Кучум царь» [14, с. 350]. Эти земли в период правления Кучума находились вблизи от кочевий его союзников и родственников из числа ногаев, а также относились к исконным владениям Шибанидво в Сибири.

Скорее всего, хан Кучум посещал Искер два раза в год, в наиболее удобное время – осенью после ледостава, когда снежный покров еще был минимальным и весной, перед ледоходом. Осенью собирался кормовой ясак, и решались административные вопросы, а весной собирался пушной ясак и определялись планы на летние военные компании.

Искер находился севернее широтных торговых путей, поэтому не мог развиваться как торговый центр. Его месторасположение неудобно и для торговли с южными территориями – притоки Иртыша – Вагай и Ишим в своем нижнем течении сильно заболочены, что сильно затрудняло проход бухарских караванов. Тобольск стал торговать со Средней Азией в XVII в. исключительно административными методами, когда бухарские караваны стали «под конвоем» переправлять из Тары дальше на север.

Вполне вероятно, что хан Кучум приезжал в Искер вместе с бухарским караваном, которому было безопасно путешествовать под его охраной. Во время нахождения хана в Искере и сбора им ясака с зависимых ему хантыйских и мансийских князей на территории столицы разворачивались торги, подобные выездным русским ярмаркам, но это происходило эпизодически. Подтверждением этому могут служить находки русских и среднеазиатских монет, а также западноевропейских товарных пломб на территории Искера [2, с. 103; справедливости ради, отметим, что на этом основании А.А.Адамов считает Искер столичным городом: 1, с. 8]. Анализируя материалы раскопок Искера, изданные в разные годы становится очевидным, что этот комплекс не был ремесленным центром или местом длительного проживания большого количества населения. Отряд Ермака зашел в «пустой», «покинутый», «брошенный» город – вот эти определения мы встречаем во всех описаниях столицы Сибирского ханства. То есть местное население на момент ухода хана Кучума в Искере вообще отсутствовало. Собрать и увести население города за одну ночь хан не мог, поэтому вероятнее всего в Искере на постоян-

ной основе находился небольшой гарнизон и некоторое количество людей, следящих за сохранностью столицы в целом.

В опубликованных коллекциях мы не имеем статусных вещей или предметов, которые бы соответствовали «несметным сокровищам», взятыми казаками в покинутой ханом столице [2, с. 105]. Имеющиеся находки (украшения, монеты, замки и прочее) вполне возможно были собраны казаками в качестве трофеев во время их нахождения в Искере и ряда походов по территории ханства. Например, в ходе раскопок в г. Таре на территории Тарской крепости были найдены подобные же предметы, которые служилые люди собрали во время походов против хана Кучума и его приближенных. Наиболее показательна находка половинки большого серебряного перстня, вероятнее всего среднеазиатского происхождения, который был разрублен при дележе добычи [26, рис. 57].

Не имел Искер и статуса религиозного центра. У многих авторов есть упоминание о том, что в Искере была мечеть или несколько мечетей. Ни в летописных описаниях, ни в археологических материалах подтверждения этого факта нет. В настоящий момент мы имеем следующий тезис: «...то, что в средневековом Искере мечеть все же была, сомнений вызывать не должно» [22, с. 103]. Действительно, хан Кучум, приглашая мусульманскую миссию из Бухары (фактически из Хивы) в Сибирь, должен был в Искере, как и в других своих центрах, возводить культовые комплексы. Но в столичном Искере не было ни многочисленного населения, ни мусульманской общины, поэтому после того как Искер был оставлен ханом Кучумом, глава миссии Дин-Али-ходжа со своей семьей переезжает в Прииртышье и затем поселяется в Бухарской слободе в Таре [5, с. 98–104; 25, с. 78–87]. вполне возможно, что приглашенные исламские проповедники вошли в окружение хана Кучума и вместе с ним перемещались от ставки к ставке, из одной части ханства в другую. Свидетельство того, что духовные люди были до окончательного разгрома в свите хана Кучума мы находим в Отписке тарского воеводы Андрея Воейкова о поражении им Сибирского царя Кучума на берегах Оби от 4 сентября 1598 г. в которой упоминается сеит Тул-Мамет [3, с. 3]. В качестве действительно значимого для мусульман места поклонения «городище Искер» (Искерская астана) стала, скорее всего, уже после смерти хана Кучума, чья фигура воспринималась сибирскими татарами как борец за независимость и мусульманский подвижник. Затем она была связана с местом погребения двух учеников Занги-Бабы из суфийского тариката Йасавийа, оказавшего значительное влияние на исламизацию Западной Сибири [21, с. 38–39].

Итак, можно констатировать, что Искер не был ни ремесленным, ни религиозным, ни военным центром Сибирского ханства. Остается считать, что, он, возможно, был, лишь одним из мест размещения ханской ставки, то есть центром политической жизни Сибирского юрта

[11, с. 142]. Он мог бы играть и большую роль, если бы сибирские города были в определенном смысле «символами власти», но судьба Чимги-Туры, Кызыл-Туры и самого Искера показывает, что правители тюрко-татарских государственных образований Западной Сибири не ставили перед собой цель развития и укрепления своих столиц, а скорее наоборот – в случае складывания неблагоприятной ситуации разрушали свои города. В конечном итоге для них как для представителей кочевой аристократии реальным и полноценным центром политической жизни была их кочевая ставка. Такая тенденция имела место и в Средней Азии, где, например, Сыгнак периодически то терял статус столицы, то вновь его получал. Однако, Сыгнак был довольно крупным ремесленным и торговым городом, а Искер, как мы констатируем – временная ставка сибирского хана.

На наш взгляд, значимость Искера следует искать в российской истории, в самом факте включения Сибири в состав российского государства. Для Москвы Искер стал символом легитимности объявления Ивана Грозного правителем Сибири. То есть для России и его царя Ивана Грозного Искер имел во много раз большее значение, чем для хана Кучума. Именно по этой причине хан Кучум в отечественной историографии получил статус труса, отказавшегося защищать свою столицу и тайно бежавшего из нее, бросив все имущество, слуг и как следствие – после этого он перестал быть ханом Сибирского ханства. «Утратив власть, сибирский хан и его потомство в терминологии того времени превратились в казаков. Этим старинным тюркским словом на востоке первоначально обозначали людей, которые по разным причинам теряли связь со своим родом или общиной и вели жизнь бесприютных скитальцев, зачастую добывая средства для существования грабежами и разбоями» [28, с. 6]. Такая трактовка событий была на руку русскому государству – никто не называл, бросившего столицу и уехавшего в Ростов, русского царя Ивана Грозного казаком, когда Девлет Гирей сжег Москву в 1571 г. Наличие администрации русского царя в Искере было одним из серьезнейших аргументов для аборигенного населения Западной Сибири в принятии новой власти. Именно по этой причине русской столицей Сибири стал Тобольск, а не, допустим, Тюмень, которая расположена гораздо удобнее в геополитическом положении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адамов А.А.* К вопросу о города Сибирского ханства // V Международный Болгарский форум «Политическое и этнокультурное взаимодействие государств и народов в постзолотоордынском пространстве (XV–XVI вв.)»: Тезисы. Симферополь: Крокус, 2013. С. 5–9.

2. *Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г.* Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск: ООО «Западно-Сибирская консалтинговая компания», 2008. 114 с.
3. Акты исторические собранные и изданные археографической комиссией. СПб.: Тип. II отделения Е.И.В. Канцелярии, 1841. Т. 2. 482 с.
4. *Атласи Х.* История Сибири. Казань: Татарское книжное издательство, 2005. 96 с.
5. *Валеев Ф.Т.* Родословные записи (шэжэрэ) сибирских татар как историко-этнографический источник // Проблемы антропологии и исторической этнографии Западной Сибири. Омск, 1991. С. 98–104.
6. *Зыков А.П.* Археологические исследования городища Искер // Уральский исторический вестник, 2008. № 3(36). С. 145–153.
7. *Данченко Е.М.* К изучению Кизыл-Туры // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2008. С. 221–224.
8. Искер – столица Сибирского ханства. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2010. 228 с.
9. *Исхаков Д.М.* Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2006. 196 с.
10. Краткая сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками / сост. Ю.А.Пелевин. СПб.: Тип. Ф.Г. Елеонского и К°, 1880.
11. *Маслоуженко Д.Н., Рябинина Е.А.* Почему Кучум не стал защищать Искер // Присоединение Сибири к России: новые данные: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2014. С. 139–144.
12. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С.К. Ибрагимов и др. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1969. 652 с.
13. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. I. М.: Вост.лит., 2005. 630 с.
14. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. II. М.: Восточная литература РАН, 2000. 796 с.
15. *Миргалеев И.М.* Сообщение Продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы II Всероссийской научной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2014. С. 64–66.
16. *Пигнатти В.Н.* Искер (Кучумово городище) // Искер столица Сибирского ханства. Казань: Ин-т истории им. Ш.Маджани, 2010. С. 186–226.
17. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Первая половина. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. СПб.: Тип. Н.Ю.Скороходова, 1904. 303 с.
18. Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч.1. Группа есиповской летописи. М.: Наука, 1987. 255 с.
19. Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. X. СПб., 1795. 327 с.
20. Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. XI. СПб., 1801. 315 с.

21. *Рахимов Р.Х.* Астана в истории сибирских татар: мавзолеи первых исламских миссионеров как памятники историко-культурного наследия. Тюмень, 2006. 77 с.

22. *Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В.* Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М.: Изд. дом Марджани, 2009. 216 с.

23. *Скрынников Р.Г.* Экспедиция в Сибирь отряда Ермака. Л.: Знание, 1982. 32 с.

24. *Скрынников Р.Г.* Ермак. М.: Молодая гвардия, 2008. 255 с.

25. *Татауров С.Ф.* Купцы Айтикины: несколько страничек к истории семьи // Актуальные вопросы историко-культурного и природного наследия Тарского Прииртышья: Материалы V научно-практической конференции, посвященной памяти А.В. Ваганова. Тара: Изд-во А.А. Аскаленко, 2010. Т. II. Архивная секция. С. 78–87.

26. *Тихонов С.С.* Отчет о проведении работ на объекте археологического наследия «Городище» Тарский кремль в 2010 г. Архив Музея народов Сибири Омского филиала ИАЭТ СО РАН. Фонд 7–1. Дело 41. Рис. 57.

27. *Трепавлов В.В.* Родоначальники Аштарханидов в Дешт-и Кипчаке (заметки о предыстории бухарской династии) // Тюркологический сборник. 2007–2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Восточная литература, 2009. С. 370–395.

28. *Трепавлов В.В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Вост. Лит., 2012. 231 с.

29. *Фальк И.П.* Записки путешествия от С.-Петербурга до Томска // Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1824. Т. 6. 560 с.

30. *Худяков Ю.С.* Хан Кучум и его воины // Родина. 2000. № 5. С. 72–75.

Сведения об авторах: Денис Николаевич Маслюженко – доцент, декан исторического факультета Курганского государственного университета, кандидат исторических наук (640669, ул. Гоголя, 25, Курган, Российская Федерация); denmas13@yandex.ru

Сергей Филиппович Татауров – заведующий сектором археологии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, кандидат исторических наук (644024, пр. К. Маркса, 15, корп. 1, Омск, Российская Федерация); TatSF2008@rambler.ru

**ISKER AS A MYTHOLOGEME IN THE STUDY
OF SIBERIAN KHANATE HISTORY**

D.N. Maslyuzhenko
(Kurgan State University)

S.F. Tataurov
(Omsk branch of Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS,
F.M. Dostoyevsky Omsk State University)

Research literature on the history of Siberian Khanate consider Isker not only as a metropolitan center but also as a large and well-fortified town. The analysis of written and archaeological sources shows that such an assumption in many respects developed under the influence of the authors, who described it later, a long time after the abandonment of Isker. They were influenced to a large extent by ideas about how Tatar city might have looked as an ideal model, the embodiment of which they searched on the ruins of the Siberian cities of the 15th–16th centuries.

Authors of this work consider that conditions of a fortress location, as well as artifacts, found there, do not confirm this traditional version. Isker came under the authority of Siberian Shibaniids (with a throne place situated in Chimgi-Tura (Tyumen)) not earlier than in 1563, after the Siberian people had invited Kuchum ibn Murtaza to become their khan. At the same time, representatives of a dynasty controlled not only the lands in the south of Western Siberia, but also across the Syr Darya. Being natives of a nomadic environment, their center of power was situated in nomadic khan's encampment, from which they moved from summering in the north to wintering grounds in the south. Exactly in this encampment, but not in geopolitically and ecologically uncomfortably located Isker, it is supposed to be the khan's treasury and the place for his family as well as seyids and other Muslim preachers. Isker was only a place of collecting the yasak from Ugrian groups of local population during the autumn and spring periods. For these reasons, its protection during Yermak's attack was not the khan's priority task. The town was abandoned easily.

Isker is not so important for the history of Siberia as for Russian history during the period of incorporation of Siberia into the Muscovy. For the Russian tsars, Isker became a symbol of the legitimacy of power of Ivan the Terrible in Siberia.

Keywords: Siberian khanate, Isker, Kuchum, urban culture of Western Siberia.

REFERENCES

1. Adamov A.A. K voprosu o gorodakh Sibirskogo khanstva [To the question about cities of the Siberian khanate]. *V Mezhdunarodnyy Bolgarskiy forum «Politicheskoe i etnokul'turnoe vzaimodeystvie gosudarstv i narodov v postzoloordynskom prostranstve (XV–XVI vv.)»: Tezisy.* [V International Bulgar Forum "Political and cultural interaction between the States and peoples in the post-Goden Horde space (15th–16th centuries)": Abstracts]. Simferopol, Krokus, 2013, pp. 5–9.

2. Adamov A.A., Balyunov I.V., Danilov P.G. *Gorod Tobol'sk. Arkheologicheskiy ocherk* [The City of Tobolsk. Archaeological sketch]. Tobolsk, 2008. 114 p.
3. *Akty istoricheskie sobrannye i izdannye arkheograficheskoy komissiyu* [Historical acts collected and published by the Archeographic Commission]. Vol. 2. St. Petersburg, 1841. 482 p.
4. Atlasi H. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Kazan, Tatarskoye publishing house, 2005. 96 p.
5. Valeev F.T. *Rodoslovnnye zapisi (shezhere) sibirskikh tatar kak istoriko-etnograficheskiy istochnik* [Genealogical records (shezheres) of Siberian Tatars as historical and ethnographic source]. *Problemy antropologii istori-cheskoy etnografii Zapadnoy* [Problems of anthropology of historical ethnography of Western Siberia]. Omsk, 1991, pp. 98–104.
6. Zykov A.P. *Arkheologicheskie issledovaniya gorodishcha Isker* [Archaeological investigations of hillfort of Isker]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural historical journal], is. 3 (36), 2008, pp. 145–153.
7. Danchenko E.M. *K izucheniyu Kizyl-Tury* [To the study of Kyzyl Tura]. *Integratsiya arkheolo-gicheskikh i etnograficheskikh* [Integration of archaeological and ethnographic research]. Omsk, 2008, pp. 221–224.
8. *Isker – stolica Sibirskogo hanstva* [Isker – the capital of Siberian khanate]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2010. 228 p.
9. Ishakov D.M. *Vvedenie v istoriju Sibirskogo hanstva. Ocherki* [An introduction to the history of the Siberian khanate. Essays]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2006. 196 p.
10. *Kratkaya sibirskaya letopis' (Kungurskaya) so 154 risunkami* [Brief Siberian chronicle (Kungurian) with 154 illustrations]. St. Petersburg, 1880.
11. Maslyuzhenko D.N., Ryabinina E.A. *Pochemu Kuchum ne stal zashchishchat' Isker* [Why Kuchum did not protect Isker]. *Prisoedinenie Sibiri k Rossii: novye dannye: materialy Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [The annexation of Siberia to Russia: new data: materials of all-Russian scientific-practical conference with international participation]. Tumen, Publishing house of the Tyumen state University, 2014, pp. 139–144.
12. *Materialy po istorii Kazakhskikh khanstv XV–XVIII vekov (izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy)* [Materials on the history of the Kazakh khanates in the 15th–18th centuries (extract from the Persian and Turkic writings)]. Alma-Ata, 1969. 652 p.
13. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. I. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2005. 630 p.
14. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. II. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2000. 796 p.
15. Mirgaleev I.M. *Soobshchenie Prodolzhatelya «Chingiz-name» Utemisha-khadzhi o pozdnikh Shibanids* [Report by Continuator of Ötemish-Hajji's "Chingiz-name" about late Shibanids]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura sredne-vekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri. Materialy II Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [History, economics and culture of medieval Turko-Tatar States in Western Siberia. Materials of the II Russian scientific conference]. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2014, pp. 64–66.

16. Pignatti V.N. Isker (Kuchumovo gorodishhe) [Isker (Kuchumov hillfort)]. *Isker – stolica Sibirskogo hanstva* [Isker – the capital of Siberian khanate]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2010, pp. 186–226.

17. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Patriarshaya, ili Nikonovskaya letopis'* [Complete collection of Russian Chronicles. Patriarchal, or Nikon chronicle]. St. Petersburg, 1904, vol. 13. 240 p.

18. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Sibirskie letopisi. Ch.1. Gruppy Esipovskoy letopisi* [Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 36. The Siberian Chronicles. Part 1. The group of Esipov chronicle]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 383 p.

19. *Prodolzhenie drevney rossiyskoy vivliofiki* [Continuation of the ancient Russian vivliofika]. Vol. X. St. Petersburg, 1795. 327 p.

20. *Prodolzhenie drevney rossiyskoy vivliofiki* [Continuation of the ancient Russian vivliofika]. Vol. XI. St. Petersburg, 1801. 315 p.

21. Rahimov R.H. *Astana v istorii sibirskikh tatar: mavzolei pervykh islamskikh missionerov kak pamjatniki istoriko-kul'turnogo nasledija* [Astana in the history of Siberian Tatars: Mausoleums of the first Islamic missionaries as monuments of historical and cultural heritage]. Tumen, 2006. 77 p.

22. Seleznev A.G., Selezneva I.A., Belich I.V. *Kul't svyatykh v sibirskom islame: spetsifika universal'nogo* [The cult of saints in the Siberian Islam: Specificity of the universal]. Moscow, Mardjani Publ., 2009. 216 p.

23. Skrynnikov R.G. *Ekspeditsiya v Sibir' otryada Ermaka* [Expedition to Siberia of the detachment of Ermak]. Leningrad, Znanie Publ., 1982. 32 p.

24. Skrynnikov R.G. *Ermak* [Ermak]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2008. 255 p.

25. Tataurov S.F. *Kuptsy Aytikiny: neskol'ko stranichek k istorii sem'i* [Merchants Aytikiny: Few pages to the history of the family]. *Aktual'nye voprosy istoriko-kul'turnogo i prirodnogo naslediya Tarskogo Priirtysh'ya: Materialy V nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati A.V. Vaganova Arkhivnaya sektiya* [Topical issues of historical, cultural and natural heritage of the Tarski County in Irtysh region: Proceedings of the V scientific-practical conference dedicated to the memory of V.A. Vaganov. Vol. II. Archive section]. Tara, A.A. Askalenko Publ., 2010, pp. 78–87.

26. Tihonov S.S. *Otchet o provedenii rabot na ob"ekte arkheologi-cheskogo naslediya «Gorodishche» Tarskiy kreml' v 2010 g.* [Report on the conduct of works at the site of the archaeological heritage “hillfort” of Tarski Kremlin in 2010]. *Arkhiv Muzeya narodov Sibiri Omskogo filiala IAET SO RAN* [The archive of the Museum of the peoples of Siberia, Omsk branch of IAET, SB of RAS]. The Fund 7–1. The case 41. Fig. 57.

27. Trepavlov V.V. *Rodonachal'niki Ashtarhanidov v Desht-i Kipchake (zametki o predystorii bukharskoy dinastii)* [The founders of Ashtarkhanids in Desht-i Kipchak (notes on the prehistory of the dynasty of Bukhara)]. *Tyurkologicheskii sbornik. 2007–2008: Istorija i kul'tura tjurkskikh narodov Rossii i sopredel'nyh stran* [Turkological collection. 2007–2008: History and culture of the Turkic peoples of Russia and adjacent countries]. Moscow, Vostochnaya literatyra Publ., 2009, pp. 370–395.

28. Trepavlov V.V. *Sibirskiy yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovich v bor'be za revansh* [Siberian Yurt after Ermak: Kuchum and Kuchumovich in the struggle for revenge]. Moscow, Vostochnaya literatyra Publ., 2012. 231 p.

29. Fal'k I.P. Zapiski puteshestviya ot S.-Peterburga do Tomsk [Notes of a journey from St. Petersburg to Tomsk]. *Polnoe sobranie uchenykh puteshestviy po Rossii* [Complete collection of scientific travels on Russia]. Vol. 6. St. Petersburg, 1824. 560 p.

30. Khudyakov Yu.S. *Han Kuchum i ego voiny* [Khan Kuchum and his warriors]. *Rodina* [Homeland], is. 5, 2000, pp. 72–75.

About the authors: Denis Nikolaevich Maslyuzhenko – Associate Professor, Dean of the Historical faculty, Kurgan State University, Cand. Sci. (History) (640669, Gogol st., 25, Kurgan, Russian Federation); denmas13@yandex.ru

Sergey Filippovich Tataurov – Head of the Department of Archaeology, Omsk branch of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Cand. Sci. (History) (644024, K. Marks st., 15, korp. 1, Omsk, Russian Federation); TatSF2008@rambler.ru